
**ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ АСПЕКТОВ
ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ XX–XXI ВВ.**

И. А. Арзуманов

Процессы, происходящие в настоящее время как на территории России, так и в ряде регионов мира, однозначно показывают резко возросший уровень вовлечённости религиозного фактора в самых различных областях общественной жизни. В этой связи актуальность вопроса о взаимоотношении государственной власти и религиозных конфессий для современной России сложно переоценить. Изучение правовых взаимоотношений государства и разных конфессий в прошлом и настоящем, поиски решения возникающих проблем в правовой форме становятся насущной потребностью общества, залогом его дальнейшего успешного духовного развития.

Байкало-сибирский регион – территория цивилизационного трансграничья между Россией, Монголией и Китаем. Как в прошлом, так и в настоящем данное обстоятельство накладывает свой отпечаток на характеристики этноконфессиональных процессов, происходящих в регионе. Необходимо отметить, что в советский период региональная этноконфессиональная проблематика рассматривалась в историко-логических рамках этнографии, фольклористики и лингвистики преимущественно с идеологических позиций. Подходы, предусматривающие комплексный анализ нормативно-правовой базы процессов функционирования религиозно-конфессиональных институтов, стали выстраиваться в последнее десятилетие в работах, посвящённых историко-культурологическим и методологическим аспектам¹. В условиях двух диаметрально противоположных процессов – глобализации и возврата к религиозным основам традиционных культурных ценностей – вопрос о правовом базисе обеспечения национальных интересов в сфере формирования религиозного пространства России и региона стоит как никогда остро. Данный аспект поднимается и в ряде кандидатских и докторских диссертационных и монографических исследований².

Ключевые направления исследований, связанных с религиозной проблематикой, определяются характеристиками «внутренней» (российский центрально-азиатский регион) и «внешней» (Монголия, Китай, страны Юго-Восточной Азии) миссионерской деятельности как инновационных, так и «традиционных» конфессионально-деноминационных центров³. Вместе с тем актуализируются проблемы, касающиеся форм и методов реализации правовой политики в области защиты прав и свобод личности в её государственно-вероисповедной плоскости. Данное направление обусловлено несколькими факторами – тенденцией «антропологизации права», с активной позицией самой личности, определяемой не только действующим законодательством, но и историко-культурологическими основами принципов естественного права, правовой культурой и правосознанием.

«Внутреннюю» миссию инновационных образований отличают латентно-напряжённые отношения с традиционными религиозно-конфессиональными пластами (ламаизм, православие, шаманизм), противостояние с которыми определяется неприятием традиционных форм религиозной культуры адептами инновационных религиозных направлений. С нормативно-правовых позиций дифференциация религиозных объединений на традиционные и нетрадиционные не совсем правомерна, поскольку юридическая классификация уже сложившейся в общественном сознании отмечаемой дифференциации ещё не установлена. Данные положения имеют также и антроподоктринальную основу, комплексный (правовой, социологический, религиоведческий, философско-мировоззренческий, культурологический) анализ которой требует фундаментальных региональных исследований.

В целом, миссиологическая составляющая при дальнейшей разработке государственно-правовых аспектов вероисповедной политики России в Восточной Сибири актуализируется и фактом того, что миссионерская деятельность – основная доминанта не только действующих в социокультурном пространстве инновационных институтов. Православная и ламаистская конфессии переживают завершение первого, восстановительного этапа, в течение которого были практически возрождены основные религиозные центры и кадровый потенциал. На день сегодняшний руководством Читинско-Забайкальской епархии озвучена установка на возрождение Забайкальской Духовной миссии, основными приоритетами которой обозначены не только «православная проповедь среди местных жителей – буддистов и шаманистов ... миссионерская деятельность среди русского населения», но и проповедь «среди» китайской (и корейской) диаспоры»⁴.

Миссионерская интенция изначально присуща и буддистским институтам Забайкалья. Методология и формы работы тибетских миссионеров в период XX–XXI вв. позволят говорить не только о внутренней миссии, касающейся проблем возрождения тантрической культово-обрядовой практики ламаизма, но и политической её составляющей, связанной с китайской проблематикой.

В России и Монголии продолжается дальнейшее структурирование католических институтов и неопротестантских инноваций, деятельность которых также носит трансзиатское направление (основная цель – Китай и страны Юго-Восточной Азии). В этих процессах Россия и Монголия фактически являются плацдармом, подготовленным в эпоху «великой ломки» социалистического наследия широкомасштабным «открытием» социокультурного пространства региона. При этом шаманизм, провозглашённый наравне с буддизмом «столпом» автохтонной культуры, является полем для миссионерских усилий как региональных институтов мировых религий, так и инновационных образований.

Одно из закономерных следствий социальной институализации религиозных новообразований составляет появление у них особых корпоративных потребностей и интересов, существенно отличающихся от религиозных потребностей верующих. Как отмечает Г. П. Лупарев, корпоративные потребности и интересы есть достаточно самостоятельное явление, результат превращения объединений

граждан в специальные социальные институты, позволяющие религиозным организациям преодолевать свою изначальную зависимость от верующих, превращаться в самодовлеющие формирования, обезличивающие верующих и стандартизирующие их индивидуальные религиозные потребности⁵.

Одна из проблем, непосредственно относящихся к процессам структуризации инновационных образований, правового статуса религиозных организаций, заключается в положении «Закона о свободе совести», при котором религиозная группа получает правовой статус религиозной организации либо при условии подтверждения 15-летнего срока существования на данной территории, либо вхождения в централизованную религиозную организацию. На практике это приводит к тому, что большинство вновь создаваемых религиозных групп вынуждены входить в централизованные религиозные организации. Тем самым порядок регистрации инновационных религиозных организаций создаёт благоприятные условия для роста их влияния.

Данная тенденция особенно ярко проявляется в миссиологической составляющей протестантских и постпротестантских деноминаций региона. Она выражается прежде всего в стремлении увеличить число приверженцев вероучения, усилить своё общественное влияние, найти более значительное место в социально-политической структуре общества, добиться благоприятных внешних условий собственному функционированию. Процессы постпротестантской христианизации региона происходят за счёт чёткой координации не только миссионерской деятельности инновационных новообразований, но и слаженного (в случае правовой необходимости) противостояния с их стороны властным и традиционным конфессиональным институтам⁶.

Процессы фактической деунификации социокультурного пространства региона усугубляются появлением у религиозных организаций и их функционеров политических интересов, тенденций к фактическому вмешательству в те сферы общественной жизни, которые не имеют прямого отношения к религии, но открывают пути к её распространению, – экономику, государственную власть и управление, законодательство и правосудие, народное образование, социальное обеспечение и т. д. Особую роль в правовом регулировании деятельности религиозных организаций играет вопрос их легализации, т. е. официального признания в качестве социальных институтов и субъектов права⁷.

Легализация религиозных организаций, равно как и любых других негосударственных образований, изначально обусловлена функциональным построением структуры плюралистического общества и призвана в первую очередь проконтролировать соответствие задач, форм и методов деятельности организаций их социальному назначению и требованиям законодательства, охраняющего общественную безопасность, права и интересы граждан. В связи с этим возникает и такой аспект данной проблематики, как признание организацией суверенитета государства и своей обязанности соблюдать его законы. Например, ситуация, сложившаяся вокруг процессов структуризации римо-католических миссий в России и Мон-

голии⁸, напрямую затрагивает интересы катакомбной римо-католической церкви в Китае.

Процессы структуризации религиозно-инновационных институтов имеют и другой аспект – экономический. В настоящее время религиозным организациям и отчасти их предприятиям предоставлен льготный режим коммерческой деятельности, который способствует развитию теневой экономической деятельности в религиозном секторе экономики. В частности, религиозным объединениям и учреждённым ими коммерческим предприятиям предоставлены существенные льготы при осуществлении финансового контроля, уплате налога на добавочную стоимость и налога на имущество, которые распространяются в том числе и на коммерческую деятельность указанных субъектов.

Положения о 15-летнем ограничении в приобретении статуса юридического лица вряд ли могут стать препятствием организациям, осуществляющим незаконную деятельность. Более эффективно эту проблему можно решить только с помощью законодательно закреплённых административных и уголовно-правовых средств. К тому же, обеспечив некий уровень признания, доступный всем религиозным группам, гораздо легче проконтролировать их, в том числе на стадии регистрации, когда соответствующий орган юстиции вправе инициировать проведение государственной религиоведческой экспертизы, по результатам которой он может отказать в государственной регистрации и обратиться в суд с представлением о запрете религиозной группы⁹.

Возвращаясь к вопросу об актуальности миссиологической составляющей исследований государственно-правового аспекта вероисповедной политики России в Восточной Сибири в связи с начавшимся процессом активизации миссионерской деятельности традиционных религий возможно прогнозировать латентную дестабилизацию этноконфессиональных отношений, прежде всего обусловливаемую активизацией процессов этнополитизации, при которых религиозно-культурный фактор несёт основные национально- и этноидентификационные функции.

С учётом выше отмечаемого стабильность межконфессиональных отношений, религиозная «толерантность», являющиеся основной социокультурной и социополитической ценностью байкало-сибирских субъектов РФ, объективно должна расцениваться не столь однозначно.

Необходимость комплексных исследований непосредственно связана и с осмыслением внутривнутриполитической проблематики, выявляемой при комплексном анализе ныне действующего религиозного законодательства.

Формирующиеся организационно-правовые институты регулирования государственно-конфессиональных отношений создаются с учётом демократических принципов, принятых в большинстве развитых стран мира, на основе уважения фундаментальных прав личности, свободы совести, межконфессиональной толерантности, недопустимости господства какой-либо одной религиозной или атеистической идеологии в обществе. Однако при существующей религиозно-законо-

дательной базе сохраняются тенденции развития «духовного сепаратизма» в обществе (выше отмечаемая культурно-мировоззренческая апория различных религиозных направлений тому пример). В результате приходится констатировать деструкцию унификационного принципа формирования социополитического пространства в его духовно-идеологической проекции.

В этой связи особое значение принимают исследования, посвящённые теоретико-методологическому осмыслению проблем, связанных с выработкой государственно-правовых положений, касающихся укрепления позиций государственности России в центрально-азиатском регионе. В условиях конституционного фактора светскости государства данное направление требует комплексных философско-правовых и философско-религиоведческих подходов в нормативно-правовом обеспечении принципа абсолютной политической лояльности государству религиозных институтов. Актуальность данного научно-исследовательского направления определяется и тем, что в философско-культурологическом и теоретико-правовом аспектах религиозно-правовая сфера Восточной Сибири ещё не была предметом специального изучения.

Фактическое отделение церкви от государства произошло относительно недавно, и анализ регионального аспекта исторического опыта взаимодействия светской власти с религиозными объединениями позволит, с одной стороны, определить оптимальную государственную политику в сфере отношений с религиозными объединениями, а с другой – понять социокультурные особенности религиозной жизни России.

Восточная Сибирь с начала XVIII в. имела единый центр, тесные контакты между различными народами, конфессиями, слоями населения, немало общего в исторических судьбах. Это актуализирует необходимость анализа данных аспектов при их непосредственной взаимосвязи с религиозно-правовой базой в региональном и российском контексте, тем более что одним из факторов, определявших государственно-правовое функционирование окраин Российской империи, являлось развитие конфессиональных институтов.

В рамках традиционного общества и традиционной культуры конфессии играют огромную роль, являясь важными факторами личной, общественной и государственной жизни. Поэтому религиозный вопрос всегда оставался в центре внимания властей и находил своё воплощение в правовой политике государства. Данное положение актуализирует дальнейшие попытки моделирования религиозно-правовых актов в современных условиях глобализационных процессов, в целом размывающих духовные основы российского общества.

Функционирование религиозно-правовой сферы в Восточной Сибири имеет уникальную специфику, основанную на многовековом взаимодействии различных вероисповеданий. Характер этноконфессиональных контактов во многом определялся религиозно-правовой политикой государства, правового положения конкретных конфессий, доктринально-идеологических установок вероучения. Непосредственное влияние на правовую практику оказывал и геополитический фактор,

значение которого в условиях регионального межцивилизационного пограничья не снимается и сегодня.

С историко-логических позиций религиозное законодательство и нормативно-правовые акты имперского периода отражали специфику и значение конфессионального фактора во внутренней и внешней политике администрации. В современных условиях отсутствия единых духовно-идеологических критериев в государстве, поликонфессиональности Восточной Сибири актуализируются комплексные, междисциплинарные методологические подходы к анализу правовой базы в хронологической компаративистике, формам и методам её реализации.

На день сегодняшний конфессиональные институты России как никогда независимы от светской власти, но при этом законодательство по свободе совести и религиозным объединениям не вполне адекватно современным глобализационным тенденциям, до сих пор отсутствует федеральный орган по делам религий, не разработана целенаправленная политика государства по вероисповедным вопросам.

Изучение исторического опыта в его теоретико-методологической плоскости поможет по-иному взглянуть на поднимаемую в исследованиях проблематику в целях достижения идеала вероисповедной свободы. В обратном случае, не имея разработанных механизмов взаимоотношения власти и религии, адекватной национальным интересам религиозно-правовой базы, российские государственно-церковные отношения будут иметь тенденцию к подчинению религиозных институтов потребностям государства, либо общество встанет перед угрозой серьёзных межрелигиозных конфликтов. Изучение взаимоотношений власти и конкретных вероисповеданий может помочь разобраться в социокультурных особенностях мировых религий на территории России, объективно лежащих в основе теоретических положений религиозного законодательства.

¹ См., например: *Власть и реформы в России. От самодержавной к советской России.* – СПб., 1996. – С. 111–198; *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. – М., 1999. – С. 315–462; *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиция и модернизация. – М., 1999; *Миронов Б. Н.* Социальная история России. Т. 2. – СПб., 1999; и др.

² См.: *Шатуев Н. В.* Государственно-правовое регулирование религиозных отношений в Забайкалье во второй половине XVII – начале XX в. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. к. юрид. н. – М., 2006; *Гордиенко В. В.* Безопасность России в условиях глобализации (криминологические и социально-правовые проблемы). Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. юрид. н. – М., 2005; *Рыбаков О. Ю.* Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. д. юрид. н. – Саратов, 2005.

³ См.: *Арзуманов И. А.* Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологический аспект исследования. – Иркутск, 2006. – С. 74–105; *Митылова Г. С.* Православие в истории и культуре Бурятии. – Улан-Удэ, 2005. – С. 119–136.

⁴ *Преосвященный Евстафий, епископ Читинский и Забайкальский.* Практические перспективы миссионерской работы в Забайкалье среди китайцев–иммигрантов и местного населения // pstgu.ru/nevs/church/2006.02.02.

⁵ *Лунарев Г. П.* Правовое регулирование деятельности религиозных организаций на территории СНГ (Теория и практика). Автореферат диссертации на соиск. уч. ст. д. юрид. н. – М., 1992. – С. 14.

⁶ Стоит в этой связи упомянуть о том, что в связи с ужесточением законодательства, направленного на ограничение миссионерской деятельности, 12 постпротестантских организаций Бурятии ещё в 1997 г. создали ассоциацию Христианских церквей.

⁷ Данная проблема носит общерегиональный характер – деятельность нелегальных религиозных новообразований является «головной болью» не только, например, в Монголии, но и в Китае, несмотря на достаточно жёсткую позицию Китайского руководства и нормативно-правовую базу китайского законодательства.

⁸ Как отмечают исследователи, территория этих субъектов международного права уже стала фактическим плацдармом для работы с китайскими мигрантами католических миссий. См.: *Арзуманов И. А.* Трансформация конфессионального пространства Байкальской Сибири (XX–XXI вв.): комплексно-методологический аспект исследования. – Иркутск, 2006. – С. 105–126.

⁹ Более того, как отмечает Т. Ю. Архиерейская, закон о свободе совести придал обратную силу отягчающей норме о необходимости при регистрации доказывать 15-летний срок существования религиозной организации на соответствующей территории. По сути, закреплялось прямое противоречие с Гражданским кодексом, когда правоспособность юридического лица ограничивается в зависимости от срока существования организации. *Архиерейская Т. Ю.* Правовые основы деятельности религиозных объединений в России: история и современность. Автореферат диссерт. на соиск. уч. ст. к. юрид. н. – М., 2001. – С. 26.